

Карл Барт

Очерк
ДОГМАТИКИ

МИФ, РЕЛИГИЯ, КУЛЬТУРА

Карл Барт

**Очерк догматики. Лекции,
прочитанные в Университете
Бонна в летний семестр 1946 года**

«Алетейя»

Барт К.

Очерк догматики. Лекции, прочитанные в Университете Бонна в летний семестр 1946 года / К. Барт — «Алетейя»,

ISBN 978-5-00165-015-7

Карл Барт (1886–1968) – один из крупнейших религиозных мыслителей нашего времени, классик протестантской теологии XX века, автор фундаментального девятитомного труда «Церковная догматика». Лекции, положенные в основу «Очерка догматики», предназначались широкой студенческой аудитории – не слишком искушенным в вопросах теологии слушателям, что сделало книгу доступной и неподготовленному, но интересующемуся христианской догматикой читателю. В формате a4.pdf сохранен издательский макет книги.

ISBN 978-5-00165-015-7

© Барт К.
© Алетейя

Содержание

Апостольский символ	5
Об этой книге	6
Предисловие	7
Лекция 1	9
Лекция 2	13
Лекция 3	18
Лекция 4	22
Лекция 5	26
Лекция 6	30
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Карл Барт

Очерк догматики

Апостольский символ

Верую в Бога, Отца, всемогущего, Творца неба и земли.

И в Иисуса Христа, его единственного Сына, нашего Господа, зачатого Святым Духом, рожденного Девой Марией, пострадавшего при Понтии Пилате, распятого, умершего и погребенного, сошедшего в ад, на третий день воскресшего из мертвых, возшедшего на небо, сидящего по правую руку Бога, всемогущего Отца; Он и придет оттуда судить живых и мертвых.

Верую в Святого Духа, святую всеобщую церковь, общение святых, прощение грехов, воскресение плоти и вечную жизнь. Аминь.

Об этой книге

Эта небольшая книга Карла Барта (1886-1968), одного из крупнейших протестантских теологов XX века, представляет собой краткое изложение в виде лекций догматических принципов. Она позволит читателю составить довольно полное представление о теологической позиции этого крупнейшего религиозного мыслителя нашего времени. При этом книга рассчитана не только и даже не столько на специалистов, сколько на широкого читателя, интересующегося теоретическим обоснованием христианской веры и историей западной теологии.

Культурная значимость перевода классиков немецкой теологии XX века на русский язык не нуждается в специальном обосновании. Достаточно сказать, что до настоящего времени на русском языке не существует произведений даже самых значительных представителей этой дисциплины – русский образованный читатель знает о них лишь понаслышке. Освоение данного великого наследия западной культуры еще только предстоит. Это относится и к Карлу Барту, хотя попытки перевода некоторых его статей уже делались, и довольно успешно (журнал «Путь», 1992, № 1). Однако едва ли несколько специальных статей могут дать представление об этом глубоком мыслителе.

Выбор для перевода небольшой книги «Очерк догматики» связан с попыткой найти произведение, достаточно полно демонстрирующее взгляды Барта.

Барт излагает свою теологическую концепцию в форме комментариев к Апостольскому символу веры, распространенному на Западе как в католической, так и в протестантских церквях. Этот символ веры – сокращенный вариант принятого в православной церкви Никейского символа. Он не содержит утверждений, порождающих конфессиональные споры, и поэтому служит основой для экуменического диалога церквей. Символ по замыслу содержит кратчайшее изложение положений христианского вероисповедания и, конечно, затрагивает ее основания.

Книга, несомненно, привлечет внимание большой читательской аудитории своим содержанием, так как, будучи написанной в форме богословского комментария к Апостольскому символу веры, затрагивает актуальные для многих людей проблемы веры и жизни. По стилю и способу изложения она доступна практически каждому, кого волнуют рассматриваемые в ней вопросы. По этим причинам «Очерк догматики» способен послужить хорошим началом для знакомства, которое впоследствии может углубляться и переходить на другие ступени общения, причем как в профессиональной аудитории, так и в широких кругах.

Несомненной заслугой переводчика данной книги является то, что ему удалось передать намерение автора – изложить положения веры на языке современной теологии и тем самым приблизить их к живущему в наши дни человеку, заставить его продумать свою веру на рациональном языке теологии.

С. В. Тищенко

Предисловие

Эти лекции были прочитаны в наполовину разрушенном зале некогда столь видного курфюрстерского замка в Бонне, где позднее расположился университет. Начинались они в семь часов утра после того, как для ободрения мы пели какой-либо псалом или гимн. Около восьми часов во дворе начинались восстановительные работы, сопровождавшиеся гудением машины, которая дробила развалины. (Я должен сообщить, что в результате своего любопытства я натолкнулся в мусоре на неповрежденный бюст Шлейермахера, который был извлечен и где-то вновь занял почетное место.) Слушатели состояли отчасти из теологов, а в большей части – из студентов других факультетов. Большинство людей в сегодняшней Германии, каждый по-своему и на своем месте, прошли через многое и пережили многое, даже чрезмерно многое. Это было заметно и по моим боннским студентам. И они своими серьезными лицами, которым предстояло вновь научиться улыбаться, производили на меня не менее серьезное впечатление, чем я (окутанный всевозможными слухами из старых времен), чужак, должен был производить на них. Ситуация остается для меня незабываемой. По случайности это был мой пятидесятый доцентский семестр. А когда он закончился, у меня было впечатление, что он стал лучшим из всех.

У меня были серьезные колебания по поводу издания этих лекций в виде книги. Я уже опубликовал два изложения Апостольского символа – «Credo» (1935) и «Confession de la Foi de l'Eglise» (1943). Внимательные читатели данной книги в этой третьей попытке вряд ли обнаружат много нового в содержательном плане, а те, кто читает большие тома «Церковной догматики», – тем более. Кроме того, я впервые в жизни читал лекции, не имея напечатанных материалов, основные положения (здесь помещены в начале каждого параграфа) выражены с достаточной свободой. Те первобытные условия, которые я застал в Германии, сделали для меня безусловно необходимым «говорить» вместо того, чтобы «читать».

И в результате то, что перед вами, – слегка приглаженная и улучшенная стенографическая запись. В данном изложении в различных местах отсутствует та точность, к которой я обычно добросовестно стремлюсь. Это особенно заметно к концу, поскольку я должен был спешить, а помимо лекций мне приходилось заниматься всякими другими делами. Мои непосредственные сторонники могли даже этот недостаток считать достоинством данных лекций. И когда я произносил это *viva voce*, я тоже наполнялся радостью. А сейчас, когда лекции напечатаны, я вижу их слабости и не буду в претензии ни к одному рецензенту, который поставит мне их в упрек.

Когда я в конце концов поддался давлению, которое на меня особенно оказывал руководитель евангелического издательства Цолликон (Verlag Zollikon), то составил эти лекции и отдал их в печать, руководствуясь соображением, что сказанное в них, как раз благодаря такой более раскрепощенной форме, послужит объяснению того, что в других местах я выразил более строго и сжато, а потому оно, может быть, привлекало к себе меньше внимания и было доступно меньшему числу людей.

Другие, вероятно, прочтут эту небольшую книгу с удовольствием потому, что, хотя здесь и не слишком много ссылок на актуальные обстоятельства, она именно в этой форме является в определенной мере документом нашего времени, которое вновь стало временем «между эпохами», причем не в одной лишь Германии. Наконец, я сказал себе, что христианский символ не только допускает, но иногда и требует объяснения в такой тональности и в таком темпе, как здесь.

Если бы я намеревался кому-нибудь посвятить эту книгу, то посвятил бы ее своим боннским студентам и слушателям лета 1946 года, чтение лекций которым, несомненно, доставляло мне большое удовольствие.

Базель, февраль 1947 г.

Лекция 1

Задача

Догматика – это наука, в которой церковь в соответствии с тем или иным уровнем своего знания, руководствуясь Писанием и своими символами, критически осмысляет содержание своего возвещения.

Догматика – это наука. О том, что такое наука, во все времена бесконечно много размышляли, говорили и писали. Мы не можем здесь передать эту дискуссию даже в общих чертах. Я обращаюсь к тому понятию науки, которое, во всяком случае, можно обсуждать и которое может служить основой наших рассуждений. Я предлагаю понимать под наукой соотносящуюся с определенным предметом и сферой деятельности попытку понимания и изложения, исследования и изучения. Никакое человеческое деяние, в том числе и наука, не может притязать на то, что является чем-то большим, чем попытка. Характеризуя науку как попытку, мы сразу же констатируем ее предварительность и ограниченность. Именно там, где наука на деле воспринимается с полной серьезностью, не предаются иллюзии, будто то, что способен делать человек, может быть сопряжено с высшей мудростью и исключительной искусностью, не питают иллюзии, что есть, так сказать, сошедшая с небес абсолютная наука. Попыткой является и христианская догматика: попыткой понимания и попыткой изложения, попыткой увидеть, услышать, утвердить определенные факты и рассмотреть, а также упорядочить эти факты в совокупности, представить их в виде учения. В каждой науке речь идет о каком-то предмете и о какой-то сфере деятельности. Ни одна наука не имеет дела с чистой теорией или с чистой практикой. Наука имеет дело, с одной стороны, с теорией, и с другой – с практикой, руководствующейся этой теорией. И под догматикой мы понимаем нечто двустороннее: исследование и учение, соотносящееся с определенным предметом и сферой деятельности.

Субъектом догматики является христианская церковь. Субъектом науки может быть лишь тот, для кого существует соответствующий предмет и сфера деятельности и кто причастен им. Поэтому, когда мы констатируем, что субъектом данной науки является церковь, это не означает какое-либо ограничение и ущемление понятия догматики как науки. Церковь – это то сообщество, которому поручен тот предмет и та деятельность, а именно возвещение Евангелия, с которыми соотносится догматика. Когда мы называем церковь субъектом догматики, то имеем в виду следующее: там, где занимаются догматикой, исследуя или уча, там пребывают в пространстве церкви. Тому, кто хотел бы иметь дело с догматикой и сознательно поместил бы себя при этом вне церкви, придется считаться с тем, что предмет догматики останется для него чем-то чуждым, и не следует удивляться, что он уже с первых шагов утратит ориентацию и будет действовать разрушительным образом. И в догматике необходимо быть причастны к предмету, а это означает как раз причастность жизни церкви. Отсюда не вытекает, однако, что в догматике следует провозглашать то, что в давние или новые времена утверждалось церковными авторитетами, и лишь повторять предписанное ими. И католическая догматика не понимает свою задачу таким образом. Когда мы называем церковь субъектом догматики, то имеем при том в виду лишь то, что занимающийся этой наукой как исследователь или как учитель должен ответственно поместить себя на почву христианской церкви и ее деяний. Это *conditio sine qua* поп. Разумеется, речь идет о свободном участии в жизни церкви, об ответственности, которую и в этом деле христианин должен взять на себя.

В науке догматики церковь отчитывается сама перед собою соответственно достигнутому ею в тот или иной момент уровню познания. Могут сказать: это явствует само собой, если исходить из взятого здесь в качестве посылки понятия науки. Однако это не явствует само собой, если исходить из тех представлений о догматике, которые существуют в некоторых головах. Я

повторяю: догматика не есть нечто, упавшее с небес на землю. И если бы кто-нибудь сказал, что было бы чудесно, если бы существовала такая снизошедшая с небес абсолютная догматика, то можно было бы ответить только так: «Конечно, это было бы чудесно, но если бы мы при этом были ангелами!» Поскольку мы, по воле Божьей, ими не являемся, то хорошо, что мы имеем хотя бы человеческую и земную догматику. Христианская церковь существует на земле во времени, а не на небесах. И хотя она есть дар Божий, Бог все же включил ее в земные и людские дела, и этому обстоятельству, безусловно, соответствует все, что происходит в церкви. Христианская церковь живет на земле и в истории, живет в обладании тем высоким благом, которое доверено ей Богом. Обладая и распоряжаясь этим высоким благом, она шествует своим путем через историю, шествует в силе и в слабости, в верности и неверности, в послушании и в непослушании, в понимании и в непонимании того, что сказано ей. В истории, которая разыгрывается на земле как история природы, и истории культуры, которая разыгрывается на земле как история нравов, и истории религий, которая разыгрывается на земле как история искусства и история науки, как история общества и история государства, – в этой истории есть и история церкви. И она есть человеческая и земная история, и поэтому нельзя полностью отвергнуть то, что сказал об истории Гёте: что она была во все времена мешаниной из заблуждений и насилия. Если мы, христиане, будем искренни, то должны будем признать, что сказанное относится к истории церкви не в меньшей степени, чем ко всемирной истории. Поскольку дело обстоит так, то мы вправе скромно и смиренно говорить о том, что может церковь, а также и о том церковном деянии, которым здесь занимаемся, – о догматике. Догматика всегда может выполнять свою задачу только соответственно тому или иному состоянию церкви. В сознании своей ограниченности церковь отчитывается и несет ответственность за то благо, которым ей надлежит распоряжаться и заниматься, и перед тем Благим, который вручил ей это благо. В этом деле никогда не будет достигнуто совершенство и христианская догматика всегда будет оставаться относительной и способной заблуждаться мыслью, исследованием и изложением. И догматика, поступая по наилучшему своему разумению и совести, может лишь стремиться ко все лучшему и постоянно помнить: придут другие, потомки, и тот, кто праведен в своем труде, вправе надеяться, что эти другие, эти потомки, будут лучше и глубже думать и говорить о том, о чем мы стремились думать и говорить. И будем со спокойной трезвостью и трезвым спокойствием заниматься своим делом. Мы можем пользоваться тем нашим знанием, какое нам ниспослано сегодня. От нас нельзя требовать больше того, что нам дано. И подобно слуге, который верен, довольствуясь малым, мы не можем сетовать на то малое, что у нас есть. От нас не требуется больше, чем такая верность.

Догматика как наука отчитывается за содержание возвещения христианской церкви. Не было бы никакой догматики и не было бы вообще никакой теологии, если бы главная задача церкви не заключалась в возвещении Евангелия, в свидетельствовании о сказанном Богом Слове. Эта постоянно вновь возникающая задача, эта проблема, поставленная перед церковью с самого начала, – проблема наставления, учения, свидетельства, возвещения. Она поистине всегда стоит как вопрос перед всей церковью, а не только перед теологом, священником: что мы как христиане хотим, собственно, сказать? Ведь церковь – это, несомненно, то место, где в мире звучит Слово. Так как возвещение сказанного Богом Слова, являющееся вместе с тем человеческим деянием, входит в задачу церкви, то с самого начала появилась необходимость в теологии и в том, что мы сегодня – приблизительно с XVII века – называем догматикой.

В теологии ставится вопрос об источнике, о том, откуда Слово, и ответ на этот первый вопрос всегда дается в той дисциплине, которую мы называем экзегетикой. В то же время возникает и вопрос о форме и образе возвещения, порученного церкви, и здесь мы оказываемся в сфере того, что называется практической теологией. Как раз посередине между экзегетикой и практической теологией располагается догматика или, если выразиться более объемно, систематическая теология. В догматике мы не задаемся вопросом о том, откуда происходит, и не

задаемся вопросом о том, как оформляется церковное возвешение. В догматике мы спрашиваем: «Что мы должны думать и говорить?» Разумеется, это мы делаем после того, как узнали из Писания, откуда мы должны черпать это «что», и с учетом того, что мы должны не только что-то высказать теоретически, но и известить об этом мир. Как раз, если исходить из догматики, становится ясно, что вся теология не есть просто история. История значима, но это такая история, которая входит в сегодняшнее настоящее, в *hic et nunc*. В то же время проповедь не должна выродиться в просто техническое мероприятие. Именно в сегодняшних суровых условиях более, чем когда-либо, настоятелен вопрос о том, что должно быть содержанием христианского возвешения. Здесь я позволю себе задержать ваше внимание на этом «что». Ради ответа на этот вопрос и занимаются как раз догматикой, а не только экзегетикой и практической теологией. Чтобы не оставлять без внимания историю церкви, я хотел бы добавить, что перед ней стоит энциклопедическая задача. Ее достоинство таково, что ей всегда надлежит уделять внимание, и потому ей всегда должно найтись место и в христианском учебном процессе.

Догматика является критической наукой. При этом речь не идет, как это иногда считают, о констатации тех или иных старых или новых положений, в ясном и недвусмысленном виде годных к употреблению. И если есть какая-то критическая паука, которая всегда должна начинать с начала, то это как раз догматика. Она возникает внешне вследствие того факта, что возвешение церкви может пойти по неверному пути. Догматика есть проверка церковного учения и возвешения, не произвольная проверка, исходя из той или иной свободно выбранной точки зрения, а проверка с позиций церкви, являющихся единственно адекватной точкой зрения. Конкретно это означает: догматика поверяет возвешение церкви масштабом Священного Писания Ветхого и Нового Заветов. Священное Писание – это документ, образующий основу, составляющий сокровенную жизнь церкви, документ, содержащий эпифанию Слова Бога в образе Иисуса Христа. Мы не располагаем никаким другим таким же основополагающим для церкви документом, и там, где церковь жива, там она постоянно будет оценивать саму себя, пользуясь масштабом этого документа. Нельзя заниматься догматикой, не соотносясь с этим масштабом. Вновь и вновь должен ставиться вопрос: что такое свидетельство? Не свидетельство моих мыслей, моего сердца, а свидетельство апостолов и пророков как свидетельство самосвидетельствования Бога. Догматика, которая потеряла бы из виду этот масштаб, была бы необъективной.

В качестве второго пункта вводного тезиса было упомянуто утверждение: Священное Писание и вероисповедные кредо располагаются не в одной плоскости. Дело не обстоит таким образом, что мы должны с равным благоговением и любовью почитать Библию и традицию, пусть даже в ее самых достойных проявлениях. Никакое вероисповедание, относящееся к Реформации или к нашим дням, не вправе притязать на такое же почтение со стороны той или иной церкви, какое надлежит оказывать единственно Священному Писанию. Однако это не означает, что в церкви не следует внимать свидетельству отцов и почитать его. В этом свидетельстве не звучит слово Божье, как у Иеремии или Павла, но оно все же имеет для нас высокое и важное значение и, послушные заповеди «почитай отца и мать свою», мы и в деле возвешения, и в научной работе в области догматики непременно будем учитывать то, что сказали наши отцы. Священное Писание обладает обязательным авторитетом. Этого мы не можем сказать о вероисповедных кредо, но ведь существуют и необязательные авторитеты, которые тем не менее воспринимаются всерьез. Подобно тому как наши телесные родители не предстают перед нами в качестве Бога и все-таки обладают для нас авторитетом, так и здесь речь идет об относительном авторитете.

Используя такой масштаб и будучи в этом смысле критичной, догматика приступает к своему делу – осмыслить содержание возвешения, отношение между фактическим возвешением и тем, что должно было бы иметь силу в церкви как верное воспроизведение сказанного

ей. То, что в церкви должно было бы иметь силу как воспроизведение слова Божьего, мы называем догмой. Церковь задается и постоянно должна задаваться вопросом: в какой мере то, что свершается в церковном возвещении, соответствует догме? Цель заключается в том, чтобы лучше оформить церковное возвещение. Исправление, углубление, уточнение того, чему учит наша церковь, может быть только деянием самого Бога, но свершаемым не без участия усилий человека. Частью таких усилий является догматика.

Мы хотим предложить здесь очерк догматики, а это означает, что в течение этого краткого летнего семестра речь может идти только о наброске. Мы намерены заниматься догматикой, руководствуясь определенным классическим текстом, апостольским исповеданием веры.

Не существует какого-то безусловно необходимого абсолютного метода христианской догматики. Это значит, что выбор пути, по которому предстоит двигаться, оставляется на усмотрение конкретного человека, занимающегося догматикой. Конечно, за столетия определился путь, ставший привычным. Это путь, который приблизительно соответствует ходу христианской мысли о Боге: Бог-Отец, Бог-Сын и Бог-Святой Дух. Что касается всех частных путей, то здесь использовались и возможны бесконечно многие пути. Мы избираем самый простой, связанный с известным всем вам исповеданием церкви, каким оно произносится в наших богослужениях по воскресеньям. Не исторический вопрос интересует нас. Ведь вам известно, что название «апостольское исповедание веры» нужно приводить в кавычках. Не апостолы выразили это исповедание. В своем сегодняшнем виде оно идет от III века и восходит к начальной форме, которая была известна и признавалась в римской общине. Затем она утвердилась как основная форма, так что мы вправе избрать ее в качестве классической.

Лекция 2

Вера означает доверие

Символ начинается с полных значения слов: я верую. Все основополагающее, что следует сказать и связи со стоящей перед нами задачей, примыкает к этому простому вступлению в вероисповедание. Мы начинаем с трех тезисов, характеризующих сущность веры.

Христианская вера есть дар встречи, в которой люди приобретают свободу возвещать Слово милости, сказанное Богом в Иисусе Христе, служить таким образом, что они становятся приверженными его обетованию и наставлению раз и навсегда, целиком и полностью, вопреки всему тому, что противоречит этому.

Христианская вера, церковное возвещение, являющиеся, как мы установили, побудителем и смысловым основанием догматики, ведут речь о... О чем они в действительности ведут речь? О том, что христиане веруют и каким образом христиане веруют? В действительности невозможно полностью изъять из возвещения эту фактичность, субъективную форму веры – *fides qua creditur*. Там, где возвещается Евангелие, там необходимо совозвещается и о людях, которые услышали и восприняли Евангелие. Однако то обстоятельство, что мы веруем, всегда есть нечто второстепенное, малое и незначительное в соотношении с тем возвышенным и подлинным, о чем идет речь в христианском возвещении, в соотношении с тем, во что верит христианин, с содержанием и предметом его веры, в соотношении с объектом, о котором апостольское вероисповедание говорит: верую в Бога-Отца, Сына и Святого Духа.

В просторечии исповедание называют «верой», но при этом «вера» лишь в последнюю очередь имеет в виду тот факт, что мы веруем. Христианская вера в первую очередь и самым решающим образом означает встречу. «Я верую в...» – гласит вероисповедание, и все заключено в том, во что. Символ представляет это «во что», этот предмет веры, которым живет наша субъективная вера. Примечательно, что вероисповедание, если отвлечься от этого первого слова «верую», хранит молчание относительно субъективной стороны веры. И никоим образом не являются лучшими те времена, когда такое отношение предстает в перевернутом виде, когда христиане словоохотливы насчет своих деяний, насчет волнующего переживания того, что случилось среди людей, но молчаливы относительно того, во что мы должны верить. Храня молчание о субъективной и говоря исключительно об объективной стороне кредо, исповедание при этом лучше, глубже и полнее всего говорит и о том, что происходит с людьми, о том, какими мы должны быть, как должны поступать и что чувствовать. И здесь верно: кто хочет жизнь сохранить, тот ее утратит, но кто ее утратит ради Христа, тот ее приобретет. Тот, кто хочет спасти и сохранить субъективное, тот утратит его. Но тот, кто отказывается от субъективного ради объективного, тот спасает и его.

Я верую. Конечно, мой человеческий опыт и деяние – это форма человеческого бытия. Но это «верую» совершается исключительно во встрече с тем, кто есть не человек, но Бог-Отец, Сын и Святой Дух. И, веруя, я целиком и полностью наполняюсь и определяюсь этим предметом моей веры. И интерес мой не вовне моей веры, а в том, в кого верую. При этом я могу почувствовать, что размышление о Нем и созерцание Его есть и наилучшее попечение о мне самом. «Верую в...» означает, ЧТО я не одинок. Мы, люди, в своей величии и в своей нищете не одиноки. Мы предстаем перед Богом, и, как наш Господь и Наставник, Он в полной мере заступает за нас. В этом пред-стоянии мы живем, действуем и страдаем в благие и в злые дни, в нашей греховности и в нашей праведности. Я не одинок, Бог встречает меня, я, каким бы ни был, во всех обстоятельствах с Нем. Это означает: верую в Бога-Отца, Сына и Святого Духа.

Эта встреча с Богом есть встреча со словом милости, которое Он сказал в Иисусе Христе. Вера говорит о Боге-Отце, Сыне и Святом Духе как о том, кто нас встречает, как о предмете веры. И она говорит об этом Боге, что Он един в себе, стал единым в себе для нас, стал вновь единым через вечное и осуществленное в средоточии времен решение, проистекающее из его свободной, его бескорыстной, его безусловной любви к человеку, ко всем людям, через решение своей милости. Бог милостив – вот что говорит исповедание об Отце, Сыне и Святом Духе. Это включает в себя то, что исключительно не в нашей власти вообще, не было и не будет исключительно в нашей власти быть с Ним, что мы не заслужили того, что Он наш Бог. Это включает в себя, что мы не имеем никаких прав на Него, но что Он сам в своей бескорыстной доброте, в своем величии пожелал быть Богом человека, быть нашим Богом. Он нам говорит, что это так. То, что Бог говорит нам: «Я милостив», – это его слово, это краеугольное понятие всякой христианской мысли. Слово Бога есть слово его милости.

И если вы меня спрашиваете: «Где слышим мы это Слово Бога?», то я могу лишь указать на Него самого, того, кто дает нам это услышать, и ответить с помощью великого средоточия исповедания веры, его второго положения: Слова милости Бога, в котором Он нам предстает, – на Иисуса Христа, Сына Бога, Сына человеческого, истинного Бога и истинного человека, Эммануила, Бога с нами в этом едином. Христианская вера есть встреча с этим «Эммануилом», встреча с Иисусом Христом и в Нем – с живым словом Бога.

Когда мы называем Священное Писание словом Божьим (а называем мы его так потому, что оно есть это слово), то имеем при этом в виду, что Священное Писание есть свидетельство пророков и апостолов об этом одном Слове Бога, об Иисусе, о человеке из Израиля, который есть Христос Бога, от вечности наш Господь и Царь. И когда мы это признаем, когда мы отваживаемся называть возвешение церкви словом Божьим, то понимаем под этим возвешение Иисуса Христа, возвешение того, что истинный Бог и истинный Человек с нами. В Нем нам предстает Бог. И когда мы говорим: «Я верую в Бога», то это конкретно означает, что я верую в Господа Иисуса Христа.

Я обозначил эту встречу как дар. Это встреча, предоставляющая человеку свободу слушать слово Бога. Этот дар и эта свобода взаимосвязаны. Дар – это дарование свободы, великой свободы, заключающей в себе все прочие свободы.

В этом семестре я хотел бы добиться того, чтобы вы вновь возлюбили это благороднейшее слово «свобода», которым столь злоупотребляют, причем полюбили, укоренясь в середине, в средоточии такой встречи. Свобода – это великий дар Бога, дар встречи с Ним. Почему дар, почему именно дар-встреча? Эта встреча, о которой говорит символ, происходит не просто так. Она проистекает не из возможности человека и его инициативы, не из того обстоятельства, что мы, люди, несем в себе способность встретить Бога, услышать его слово. Если бы мы полностью отдавали себе отчет в том, к чему мы способны, а к чему нет, то не тратили бы попусту усилия на обнаружение того, что можно было бы назвать расположенностью к слову Божьему. Без проявления с нашей стороны какой-либо возможности в дело вступает могучая возможность Бога и делает возможным то, что мы сами по себе сделать не в состоянии. Это дар Божий, свободный, никак нами не подготовленный дар Бога, делающий возможной для нас встречу с Ним и слушание при этом его слова. Ведя речь о Боге-Отце, Сыне и Святом Духе, символ во всех трех положениях говорит о совершенно новом, недоступном и непостижимом для нас существе и деянии. Это существо и деяние Бога-Отца, Сына и Святого Духа есть его свободная милость по отношению к нам. И его же милостью является то, что наши глаза и уши разверзаются навстречу такой милости. Тайна Бога есть то, о чем говорит вероисповедание. И в тайне мы пребываем, когда она нам открывается, когда мы приобретаем свободу познать ее и в ней жить. «Верую, что ни своим разумом, ни своей силой не могу верить в Господа моего Иисуса или прийти к Нему», – говорит Лютер.

«Верую» само по себе является исповеданием веры, если я знаю, что Бога можно познать только благодаря самому Богу. И если мы имеем возможность говорить о чем-то в вере, то это означает: я славословлю, я благодарю за то, что Бог-Отец, Бог-Сын и Бог-Святой Дух есть то, что он есть и что делает; за то, что Он открыл и явил мне себя, за то, что Он определил самого себя для меня, а меня – для себя. Я славословлю и благодарю за то, что избран, за то, что призван, за то, что мой Господь сделал меня свободным для самого себя. В это верую я. То, что я делаю, поскольку верую, – это то, что мне причитается делать, к чему я приглашен, для делания чего я стал свободным благодаря тому, кто способен свершить то, что сам по себе я не в состоянии ни начать, ни завершить. Я пользуюсь даром, в котором Бог дал мне самого себя. Я дышу, и дышу я ныне радостью и свободой. Свободу, в которой я дышу, сам я не добыл, не искал и не обрел, она пришла ко мне в Боге и взяла меня. Речь идет о свободе таким образом слушать слово милости, чтобы человек мог руководствоваться этим Словом. Когда человек руководствуется словом, то это означает, что он достоверно поверил в данное Слово.

Мир полон слов, и сегодня мы видим, что означает инфляция слов, когда все прежние слова утрачивают ценность, не имеют больше значимости. Там, где верят в Евангелие, там Слово обрело доверие, там слово слушают таким образом, что слушающий не может выйти из-под власти этого Слова. Это замечательное слово, в которое верует вера, – это Слово Божье, Иисус Христос, в котором Бог раз и навсегда сказал свое слово человеку. Поэтому вера означает доверие. Доверие – это акт, посредством которого можно довериться верности другого в том, что его обещание верно и требуемое им требуется по необходимости. Я верую означает: я доверяю. Я больше уже не должен стремиться полагаться лишь на себя, у меня больше нет нужды оправдывать самого себя, спасать себя и доказывать свою значимость. Становится беспредметным все это глубиннейшее устремление человека держаться лишь самого себя, обосновывать перед самим собой свою правоту. Я верую не в самого себя, а верую в Бога-Отца, Сына и Святого Духа. В силу этого стали излишними и ненадежными все силы, которые могли представляться в качестве опор, в качестве якоря, которого можно держаться. Излишним и ненадежным стало доверие к каким-либо богам. Эти боги, которых человек создавал в древние и в новые времена, которых почитал и которым молился, были теми силами, на которые полагался человек, выступали ли они в виде идей или в виде тех или иных сил судьбы, какие бы названия им ни давались.

Вера освобождает нас от необходимости испытывать доверие к подобным богам, а тем самым освобождает и от страха перед ними, освобождает от разочарований, которые неизбежно и постоянно вызываются этими богами. Мы можем быть свободны в своем доверии к тому, кто его заслужил. Можем быть свободными потому, что уповаем на того, кто, в отличие от всех прочих сил, остается и останется верным. Наш человеческий путь – это путь от одной измены к другой, что верно и относительно богов этого мира. Они не держат своих обещаний. Нет поэтому никогда действительного покоя и ясности. Верность есть лишь у Бога, и вера есть доверие к тому, что Его можно держаться, есть доверие к его обещаниям и наставлениям. Держаться Бога означает: довериться тому, что Бог за меня, и жить в достоверности этого. Вот обещание, которое дает нам Бог: «Я за тебя». Однако это обещание означает одновременно и наставление. Я не предоставлен своему произволу и своим идеям, у меня есть его завет, которого я должен придерживаться во всем, во всех моментах своего земного существования.

Символ всегда есть одновременно и Евангелие, Благая весть Бога людям, весть, что Бог с нами, в нас и потому необходимо есть закон. Евангелие и Закон нельзя разделить, они суть одно – таким образом, что Евангелие первично, Благая весть предстает первой и, как таковая, содержит Закон. Поскольку Бог за нас, то и мы имеем возможность быть за Него. Поскольку Он одарил нас собой, то и мы вправе принести Ему то небольшое, что у нас есть. Держаться Бога всегда означает: целиком и полностью воспринять все от Бога и целиком и полностью действовать ради Него.

«Раз и навсегда, целиком и полностью, вопреки всему тому, что противоречит этому». В этом выражении вера вновь характеризуется как доверие. Когда мы говорим, что в вере речь идет о решении раз и навсегда, целиком и полностью, то это предполагает разрешенную возможность, а не долженствование.

В идеальном случае как бы вновь происходит уход от великолепия веры. Великолепие веры заключается ведь не в том, что мы призываемся свершить нечто, что на нас возлагается свершение чего-то, превосходящего наши силы. Вера – это скорее свобода, дозволение. Верующий в Слово Божье смеет во всем держаться этого Слова, невзирая на свидетельства вопреки. Никогда не веруют «в силу того, что», «на основе того, что», к вере пробуждаются вопреки всему. Подумайте о людях в Библии. Они пришли к вере не на основании каких-то доказательств. Однажды они были поставлены в такое положение, что посмели, а затем и должны были верить вопреки всему. Бог вне своего Слова сокрыт для нас. Он открыт нам в Иисусе Христе. Если мы смотрим мимо Него, то неудивительно, что не находим Бога, впадаем в заблуждения и переживаем разочарования, видя мир, покрытый мраком. Когда мы верим, то должны верить вопреки сокрытости Бога.

Эта сокрытость Бога необходимо напоминает нам о наших человеческих пределах. Мы верим не на основе нашего разума и нашей силы. Тот, кто действительно верит, тот знает об этом. Самым серьезным препятствием для веры всегда являются высокомерие и страх в человеческом сердце. Мы не желаем жить из милости. Против этого что-то энергично в нас восстает. Мы не желаем быть благодетельствованы, в лучшем случае хотим благодетельствовать себя сами. Такое колебание между высокомерием и страхом есть жизнь человеческая. Вера прорывается и через то и через другое. Человек не в состоянии сделать это своими силами. Мы не в состоянии сами освободить себя от высокомерия и страха перед жизнью, здесь всегда имеет место «движение вопреки», не в последнюю очередь вопреки самим себе.

Если все, что говорит против веры, свести вместе в какую-то противодействующую силу, то начинаешь догадываться о том, что Священное Писание называет дьяволом. Истинно ли Слово Божье? Когда человек верует, то посмеется над этим дьяволом. Однако вера не является героическим деянием человека. Следует избегать того, чтобы делать, из Лютера героя. Сам Лютер не чувствовал себя героем, он знал, что если мы смеем противиться, то это разрешается нам, это дозволение, свобода, принять которую нужно уметь с глубочайшей покорностью.

В вере речь идет и о решении, принимаемом раз и навсегда. Вера – это не мнение, которое можно заменить другим мнением. Тот, кто верит на какое-то время, тот не знает, что такое вера. Вера подразумевает окончательно определившееся отношение. В вере речь идет о Боге, о том, что Он раз и навсегда сделал для нас. Это не исключает колебаний в вере. Однако с точки зрения предмета вера есть нечто окончательное. Не пугайтесь, отнеситесь к этому как к приглашению. Можно заблуждаться и можно сомневаться, однако тот, кто верит всегда, тот обладает *character indelebilis*. Он может утешаться тем, что он устоял. Всякому, кто должен бороться с неверием, следует посоветовать не принимать свое неверие слишком всерьез. Лишь веру следует воспринимать всерьез, и когда у нас есть вера даже в размере горчичного зерна, то этого достаточно для того, чтобы черт потерпел поражение.

Нам следует далее держаться Бога «всецело». «Всецело», поскольку Бог единственный, кто остается верным. Существует и человеческая верность, верность Богу, которую в его создании мы можем вновь и вновь созерцать, можем радоваться ей и ею укрепляться. Однако основой такой верности всегда является верность Бога. Веровать означает обладать свободой доверять только лишь Ему (единственной милостью и единственной верой). Это не означает обеднения человеческой жизни, а означает скорее, что нам вручено все богатство Бога.

И в заключение скажем, что мы можем держаться за Слово Божье всей своей целостностью. В вере речь идет не о какой-то особой сфере, скажем религиозной, а о действительной жизни в ее полной тотальности, о вопросах внешних и внутренних, о телесном и о духовном,

о светлом и о темном в нашей жизни. Мы можем положиться на Бога и в том, что касается нас самих, и в том, что движет нами в отношении к другим, ко всему человечеству. Речь идет о всей жизни и обо всем умирании. Свобода в отношении такого доверия, понимаемого столь всеохватно, есть вера.

Лекция 3

Веровать – значит познавать

Христианская вера – это озарение разума, позволяющее людям стать свободными, жить в истине Иисуса Христа и именно благодаря этому удостоверить в смысле своего собственного бытия, а также удостоверить в существовании основы и цели всего происходящего.

Вы, вероятно, обратили внимание на появление понятия «разум». Я намеренно использую его. Христианский мир и его теологи всегда поступали неправильно, когда на основании энтузиазма или какой-то теологической концепции считали нужным объявлять себя противниками разума. Над христианской церковью как вместилищем откровения и деяния Бога возвышается Слово. «Слово стало плотью». Логос стал человеком. Церковное возвешение есть речь, причем речь не случайная, не произвольная, не хаотическая и не непонятная. Это речь, притязающая быть истинной и как истина стремящаяся утвердиться вопреки лжи. Да не позволим сдвинуть себя с этой ясной позиции. Слово, которое надлежит возвешать церкви, несет истину не в каком-то предварительном или вторичном, а в первичном смысле, речь идет о логосе, который проявляется и открывается в человеческом разуме, человеческом уме как логос, то есть как смысл, как истина, которую необходимо познать. В слове христианского возвешения речь идет о «Рацио», Разуме, в котором может затем отразиться и обрести себя и человеческий «рацио». Церковное возвешение, теология – это не болтовня, не лепет, не пропаганда, применительно к которым неправомерен вопрос: а правда ли то, что говорится, действительно ли дело обстоит таким образом? Вы, наверное, уже измучились от определенного рода проповедей и наставлений, которые произносятся выразительно и с обильным использованием риторики, но относительно которых нельзя задать простой вопрос об истинности произносимого.

Кредо христианской веры покоится на познании. Итак, где произносится и исповедуется кредо, там нужно и желательно еще раз обретать познание. Христианская вера не иррациональна, не антинациональна, не надрациональна, она рациональна, если правильно понимать, что это значит. Церковь, провозглашающая кредо, выступающая с невероятным притязанием проповедовать и возвешать радостную весть, исходит из того, что она восприняла нечто – разум происходит от восприятия – и стремится вновь воспринять воспринятое. Когда в истории христианской догматики и в истории христианской теологии разрывались гносис и пистис, это были всегда неблагоприятные времена для христианской церкви. Правильно понятая пистис есть гносис, правильно понятый акт веры есть и акт познания. Веровать – значит познавать.

После такой констатации приобретает вес утверждение: христианская вера ведет к озарению разума. Христианская вера имеет дело с определенным предметом, имеет дело с Богом-Отцом, Сыном и Святым Духом, о котором говорит символ. Из своеобразия, из сущности этого предмета, из природы Бога-Отца, Сына и Святого Духа явствует, что Он непознаваем на основе способности человеческого познания, Его можно воспринять, и Он воспринимается лишь на основе собственной свободы, решения и действия Бога. То, что человек в состоянии познать, опираясь на свои собственные силы, руководствуясь меркой своих естественных возможностей, своего рассудка, своего чувства, – все это будет в лучшем случае познанием какого-то высшего бытия, абсолютного существа, совокупной свободной мощи, существа, возвышающегося надо всем. Такое абсолютное и высшее существо, это последнее и глубочайшее, эта «вещь в себе» не имеет отношения к Богу. Все это относится к интуиции и предельным возможностям человеческого мышления, человеческого конструирования. Человек может помыслить такое существо, но при этом он не помыслил Бога. Бог мыслится и Бог познается, когда Бог в своей собственной свободе делает себя воспринимаемым.

Говорить о Боге, его сущности и его природе мы будем позже, но уже сейчас следует сказать: Бог – это всегда тот, кто в своем собственном откровении сделал себя известным для человека, а не тот, кого и измышляет человек и называет при этом Богом. Уже в вопросе познания четко отделяются друг от друга истинный Бог и ложные боги. Познание Бога – это не дело какой-то возможности, которую можно обсуждать. Бог есть совокупность всей действительности, причем открывающей себя нам действительности. Познание Бога происходит там, где фактически происходит то, что Бог говорит, что Бог представляет себя человеку таким образом, что человек не может не увидеть и не услышать Его. Это происходит там, где человек оказывается в ситуации, в которой он становится непонятным для самого себя, которую он не создал сам и в которой он поставлен перед фактом, что он живет с Богом, и Бог живет с ним, поскольку так пожелалось Богу. Познание Бога происходит там, где происходит божественное откровение, озарение человека Богом, возвышение человеческого познания, научение человека этим Учителем.

Мы исходили из того, что христианская вера есть дело определенной встречи. Христианская вера и познание христианской веры случаются там, где божественный Разум, божественный Логос устанавливает в пространстве человеческого разума свой закон, которому должен подчиняться человеческий тварный разум. Если это происходит, то человек приходит к познанию, поскольку, если Бог учреждает свой закон в человеческом мышлении, его видении и слышании, то происходит и откровение относительно человека, который сам по себе не может свершить то, что свершается Богом.

Можно ли познать Бога? Да, Бога можно познать, поскольку истинно и действительно то, что Он, благодаря Ему самому, познаваем. Когда это происходит, человек становится свободным, получает возможность, получает способность – он, который сам для себя тайна. – познать Бога. Познание Бога – это в конечном счете познание, содеянное предметом этого познания, определяемое Богом познание. И именно поэтому оно подлинное, в глубинном смысле свободное познание. Конечно, оно остается относительным, заключенным в пределы тварного познания. Конечно, как раз о нем можно сказать, что это небесное сокровище, которое мы носим в земных сосудах. Наши понятия недостаточны для того, чтобы постичь это сокровище. Именно там, где случается такое подлинное богопознание, должна быть полная ясность относительно того, что нет никакого повода для какого-либо высокомерия. Все равно остается бессильный человек, остается тварный разум со своими пределами. Однако Богу пожелалось открыть себя в этом пространстве тварного, недостаточного. И несмотря на то что и в отношении этого человек безрассуден, он становится мудрым. И несмотря на то что он мал, он становится великим. И несмотря на то что человек недостаточен, Бог довольствуется этим. «Довольно для тебя милости Моей, ибо сила Моя совершается в немощи». Это относится и к вопросу познания.

В вводном тезисе этой лекции сказано, что в христианском веровании речь идет об озарении разума, благодаря которому становятся свободными для жизни в истине Иисуса Христа. Относительно познания христианской веры важно понять, что истина Иисуса Христа есть истина жизни, и ее познание есть познание жизни. Это не означает, что мы вновь возвращаемся к воззрениям, согласно которым здесь, по существу, речь не идет о познании. Христианская вера не есть невнятное чувство, какие-то алогичные чувствование, переживание и опыт. Вера есть познание, она соотносится с божественным Логосом и потому вполне логична. Истина Иисуса Христа есть и фактическая истина в самом непосредственном смысле. Ее исходный пункт, воскресение Иисуса Христа из мертвых есть факт, имевший место в пространстве и во времени, как это описано в Новом Завете. Апостолы не удовлетворялись фиксацией факта внутренней жизни, они говорили о том, что видели и слышали, что опробовали своими руками. Истина Иисуса Христа есть дело совершенно ясной, упорядоченной и свободной именно в силу своего обязательства мысли.

Однако речь идет об истине жизни, и эти понятия нельзя разрывать. Понятие знания (*scientia*) недостаточно для описания того, что есть христианское познание. Для постижения знания теологии в его полноте мы должны обратиться скорее к тому, что в Новом Завете зовется мудростью, что греки называли *sophia*, а латиняне – *sapientia*. *Sapientia* отличается от более узкого понятия *scientia*. Мудрость отличается от знания не в силу того, что она не содержит знание, а в силу того, что это понятие обозначает и практическое знание, охватывающее существование человека во всей его целостности. Мудрость есть знание, которым мы можем фактически, практически жить, она есть эмпирия и есть теория, сила которой в том, что она непосредственно практична, есть знание, направляющее нашу жизнь, есть свет на нашем пути. Это свет не для удивления и созерцания, свет не для того, чтобы возжигать повсюду фейерверки (даже если это глубокомысленные философские спекуляции), это свет на нашем пути, свет, озаряющий наше деяние и нашу речь. Это свет в наши ясные и мрачные дни, свет в бедности и в богатстве, свет, который светит не только в моменты, которые мы считаем моментами прозрений, но и в моменты нашей глупости, свет, который не гаснет, когда гаснет все, когда в смерти становится видна цель нашей жизни. Жить этим светом, этой истиной означает познавать христианским познанием. Христианское познание означает жизнь в истине Иисуса Христа. В свете этой истины живем и движемся и существуем (Деян. 17: 28), с тем чтобы существовать из Него, с Ним и к Нему (Рим. 11).

В своей глубинной основе христианское познание едино с тем, что мы назвали доверием человека к Слову Божьему. Никогда не поддавайтесь призывам тех, кто хочет внести в это дело раздор и шатания. Не может быть никакого подлинного доверия, никакого действительно прочного, несущего победу доверия к Слову Бога, если это доверие не основано на его истине. И в то же время не может быть познания, теологии, исповедания, не может быть и истины Писания, которые бы не носили непременно при этом характер истины жизни. Всегда одно меряется и поверяется другим.

И именно потому, что мы как христиане можем жить в истине Иисуса Христа, в свете познания Бога и с просветленным разумом, мы можем достоверно знать смысл нашего существования, а также основу и цель всего происходящего. Это означает и невероятное расширение нашего кругозора: познавать этот предмет в его истине означает ни много ни мало как познавать все вещи – человека, самого себя, космос и мир. Истина Иисуса Христа – это не какая-то истина наряду с прочими, это единственная и всеобъемлющая истина, истина, творящая все истины. Истина Бога есть *prima Veritas* и *ultima Veritas*. Ведь в Иисусе Христе Бог сотворил все, сотворил нас всех. Мы существуем не без Него, а в Нем, знаем мы об этом или нет, и весь космос существует не без Него, а в Нем, через Него, через всемогущее Слово. Познавать Его – значит познавать все. Быть вовлеченным и захваченным духом в этой сфере – значит быть ведомым ко всей истине. Тот, кто верит и познает Бога, может уже не задаваться вопросом: «Каков смысл моей жизни?» Поскольку он верит, он уже живет внутри смысла своей жизни, смысла своей тварности, своей индивидуальности. Он живет в пределах своей тварности и греховности своего существования, живет в грехе, который ежедневно и ежечасно берет на себя, но он же ежедневно и ежечасно получает помощь, которую все равно и незаслуженно дает ему Бог.

Этот человек познает задачу, которой наделен в целокупности бытия, познает надежду, которой он одарен через эту задачу на основании милости, дарованной ему для жизни, познает величие славы, которая возвещена ему и которой он тайно и, невзирая ни на что, уже окружен. Кто в это верит, исповедует такой смысл своего бытия. Христианское кредо говорит о Боге как об основе и цели всего, что есть. Основа и цель всего космоса называется Иисус Христос. Можно и должно сказать неслыханное – где есть христианская вера, там есть в силу доверия к Богу и самая глубокая посвященность в основу и цель всего происходящего, всех вещей; там

человек, вопреки всему, что говорит об обратном, живет в мире, который возвышеннее, чем всякий разум, и который есть свет, освещающий наш разум.

Лекция 4

Веровать означает исповедовать

Христианская вера – это решение, дающее людям свободу публично и ответственно заявить на языке церкви о своем доверии к Слову Божьему, о познании истины Иисуса Христа, а также публично и ответственно выразить себя в отношении к миру и прежде всего в соответствующих Деяниях и способах поведения.

Христианская вера – это решение. Мы должны и хотим начать с этого положения. Христианская вера – это вместе с тем событие, в тайне свершающееся между Богом и человеком, это событие свободы, в которой Бог действует по отношению к данному конкретному человеку, и свободы, которую Бог дает этому человеку. Все это не исключает, а предполагает, что там, где веруют в соответствии с христианским кредо, там свершается история: во времени человеком что-то предпринимается, реализуется и завершается. Вера – это становящаяся и вью тайна Бога, вера – это свобода Бога и свобода человека в действии. Там, где ничего не происходило бы – имеется в виду, разумеется, что ничего не происходило бы видимо и слышимо во времени, – там не было бы веры. Ведь христианская вера – это вера в Бога, а когда христианское вероисповедание называет Бога Отцом, Сыном и Святым Духом, то заявляет тем самым, что Бог в себе, в своей внутренней жизни и сути не мертв, не пассивен, не бездеятелен, что Бог-Отец, Сын и Святой Дух существует в таком внутреннем отношении и движении, которое можно обозначить как историю, как событие. Бог не надьсторичен. Он историчен. И этот Бог принял решение, вечное решение, на котором основывается все то, о чем говорит исповедание веры. Наши отцы называли это декретом о творении, завете и искуплении.

Данное решение Бога реализовалось во времени, реализовалось раз и навсегда в деянии и слове Иисуса Христа, о котором второе положение символа веры конкретно свидетельствует как о «...пострадавшем при Понтии Пилате, распятом, умершем и погребенном...».

Вера есть соответствие человека этим историческим бытию и сущности и деянию Бога. Вера обращена к Богу, который историчен в себе самом и который принял решение, имеющее в виду историю, и эту историю воплотил в жизнь и завершил. Христианская вера, которая сама не была бы историей, была бы не христианской верой, не «верой в...». Там, где веруют по-христиански, там возникает и произрастает историческое образование, там из людей, современников и несовременников, складывается община, совместное бытие, братство. И эта община, верующая по-христиански, необходимо становится человеческим проводником возвещения и вести миру за пределами этой общины и братства. Возжигается светильник, светящий всем, кто в доме сем. Там, где есть христианская вера, там возникает и живет в мире для мира сообщество причастных Богу, там собирается Израиль в стороне от народов мира и там собирает себя церковь, сообщество святых, но не ради самой себя, а как слуга Божий, предназначенный Богом для служения всем, как Тело Христово. И разворачивается эта история – человеческое деяние в соответствии с деянием Бога и бытие в выборе его милости – в ответном послушании. Вера – это послушание, то есть не только пассивное приспособление. Там, где он повинует, человек осуществляет выбор – выбор в пользу веры, а не ее противоположности – безверия, в пользу доверия, а не недоверия, в пользу знания, а не невежества.

Веровать означает выбирать между верой и безверием, ошибочной верой, а также пред-рассудком. Вера – это такое деяние, когда человек занимает по отношению к Богу такую позицию, чтобы соответствовать Богу. Ведь это деяние означает, что человек перестал быть нейтральным по отношению к Богу, перестал быть необязательным в своем бытии и поведении по отношению к Нему, сделал шаг из приватной сферы, явил свою веру решительно, ответственно и гласно. Без такой публичной гласности вера, стремящаяся избежать связанных с таким шагом

трудностей, есть уже безверие, заблуждение, предрассудок. Ведь вера в Бога-Отца, Сына и Святого Духа не может не стремиться стать гласной.

«Христианская вера – это решение, дающее людям свободу...» – сказано во вступительном тезисе. И при публичной ответственности речь идет о данном человеку дозволении, об открытых вратах, а это означает – о свободе. В свободе доверия и в свободе знания необходимо явлена свобода ответственности. Одна свобода неотделима от другой. Тот, кто захотел бы быть свободным лишь для того, чтобы доверять Богу, полагая при этом возможным отказаться от познания, тот не стал бы доверять и истине. А тому, кто испытывал бы в полной мере доверие и владел бы всем знанием, но был бы при этом лишен свободы публично заявить о своем доверии и о своем знании, тому следовало бы сразу заявить, что это не согласуется с его доверием и с его знанием. Сам Бог, согласно тому, что исповедует о Нем церковь, не захотел остаться сокрытым, не желал и не желает быть Богом для самого себя. В своем царственном величии выходит Он из своей тайны, спускается с высоты своего божественного существования в низину сотворенного Им космоса. Бог есть тот, кто как Бог открывает себя.

Тот, кто верует в такого Бога, тот не может скрывать этого ради Бога, эту любовь Бога, это утешение и свет, тот не может скрывать свое доверие к слову Бога и свое знание о Нем. Слово и дело верующего человека не могут остаться нейтральными, необязательными словом и делом. Там, где веруют, нисходит на землю слово, слава, честь, лучезарный свет Бога. Там же, где не восславляется честь Бога – пусть и со всеми слабостями и недостатками, присущими нашему роду, – там нет веры, там нет движения навстречу утешению и свету, излучаемому для нас Богом.

Честь Бога явлена в космосе, имя священного освящается на земле – там, где люди дерзают верить, где собирается и приступает к действию народ Божий, община Божья. Там, где есть вера, там человек – при всей его ограниченности и слабости, во всей его греховности и глупости – обладает свободой, царственной при всей ее заземленности, свободой дать воссиять этому свету знания, славы и чести Бога. Большого от нас не требуется, но это требуется. Такая публичная ответственность, сопряженная с нашим доверием к Слову Божьему и познанием истины Иисуса Христа, и выражает то, что следует называть признанием и исповеданием в христианском смысле.

Речь идет о публичной ответственности, выражаемой на языке церкви, а также проявляемой в определенных мирских высказываниях и прежде всего в надлежащих деяниях и способах поведения. Эти три стороны понятия публичной ответственности представляют собой, насколько я могу судить, три формы христианского исповедания, которые нельзя разрывать, нельзя противопоставлять друг другу, а необходимо увязывать друг с другом. К тому же христианское исповедание есть необходимая сущностная форма христианской веры. Дальнейшие рассуждения следует поэтому воспринимать в синтезе.

1. Вера дает нам свободу публично и ответственно представлять наше доверие и наше познание на языке церкви. Что это означает? Сообщество преданных Богу во все времена имело свой собственный язык. Это так, и ничего здесь не изменишь. У него своя история в истории, свой особый путь. Исповедуя, оно говорит, соотносясь с этой своей особой историей. Сообщество существует в совершенно особых конкретных исторических обстоятельствах, которые всегда формировали и будут формировать его язык.

Язык веры, язык публичной ответственности, на котором мы как христиане говорим, этот язык совершенно неизбежно будет и языком Библии, еврейской и греческой Библии, а также языком ее переводов и языком христианской традиции. Этот язык предстает в формах мыслей, понятий и идей, с помощью которых христианская церковь на протяжении веков приобретала, отстаивала и разъясняла свое знание. Существует специфический церковный язык. Все это в порядке вещей. Назовем его известным именем – «языком Ханаана». И когда христианин

исповедует свою веру, когда мы желаем, чтобы сиял озаривший нас изнутри свет, никто из нас не сможет и не посмеет обойтись без этого своего языка.

Когда дела христианской веры, когда наше доверие к Богу находят четкое выражение, предстают, можно так сказать, в своей подлинности – а всегда крайне необходимо, чтобы в целях ясности все обстояло именно таким образом, – тогда неизбежно зазвучит язык Ханаана во всей своей неустрашимой мужественности. Ведь только этот язык позволяет непосредственно и сразу внести ясность в случае необходимости, указать путь и высказать утешительное предупреждение.

Можно представить человека, который, желая быть чрезвычайно деликатным и чрезвычайно обходительным со своей душой, считая свою веру настолько глубокой и внутренней, считал бы, что не следует произносить устами слова Библии, произносить имя Бога, не говоря уже об имени Христа или о крови Иисуса Христа, а также об имени Святого Духа. Такому человеку я бы сказал: «Дорогой друг, вполне возможно, что ты очень углубленный в свое сокровенное человек, однако постарайся с честью, ответственно и публично представлять свою веру. Ведь не должна же твоя мнимая робость быть боязнью выйти за пределы сферы приватности, ни к чему тебя не обязывающей? Спроси себя самого об этом?»

Совершенно очевидно, что там, где христианская церковь не отваживается исповедовать на своем языке, там она вообще не исповедует. Она становится сообществом молчаливых. Там, где веруют, там возникает настоящий вопрос о том, говорят ли здесь радостно и спокойно, именно так, как говорит Библия и как в древние и в новые времена говорила и должна говорить церковь. Там, где вера будет стремиться предстать в своей свободе и радости, там хвала Богу будет запеваться и петься на этом языке.

2. Однако все это еще не есть свидетельство во всей его полноте. Понятие исповедания во всем своем объеме включает и другие моменты. Следует остерегаться представления о том, что исповедание – это такое дело веры, которое может и должно заявлять о себе лишь в пространстве церкви. Не следует также думать, что самое большее, чего можно достигнуть исповеданием, – это сделать данное пространство видимым и, возможно, немного расширить его в мире. Пространство церкви располагается в мире подобно тому, как внешне церковь в деревне или в городе располагается рядом со зданием школы или рядом с кинотеатром и вокзалом.

Язык церкви не может быть самоцелью. Должно считать очевидным, что церковь обязана существовать для мира, с тем чтобы сиял свет во мраке. Как Христос пришел не для того, чтобы служить лишь самому себе, так и христианам негоже пребывать в своей вере, как если бы они существовали только для себя.

А это означает, что вера, являя публично свое доверие и свое знание, обуславливает приверженность определенным мирским позициям. Если исповедание носит серьезный и отчетливый характер, оно должно, и это принципиально важно, переводиться на язык обыденного человека, выражаться на языке человека с улицы, языке тех, кто не привык читать Писание или обращаться к сборнику церковных песнопений, у кого иная терминология и совершенно иные сферы интересов. Это мир, в который Христос послал своих апостолов и в котором существуем и мы все. Никто из нас не является лишь христианином, мы все еще и частица мира. С необходимостью потому заходит речь о мирских позициях, о способах выражения нашей ответственности в данной сфере. Ведь исповедание веры стремится к свершению применительно к жизни, которой живем мы все, применительно к проблеме нашего действительного существования, ко всем теоретическим и практическим вопросам повседневности.

Если наша вера реальна, она должна вторгаться в нашу жизнь. Христианское вероисповедание в своем изначальном церковном звучании всегда будет получать неверное толкование в том ключе, что христианин рассматривает свой символ как дело совести и сердца, а здесь на земле и в мире господствуют другие истины. Мир живет с таким неверным толкованием, он видит в христианстве какое-то дружественное «волшебство», принадлежащее «религиозной

сфере», которое следует уважать и сохранять – и все, этого достаточно. В то же время подобное заблуждение может порождаться и изнутри, если тот или иной христианин захочет сохранить за собой эту сферу и будет оберегать свою веру как цветок-недотрогу.

Кроме того, отношение между церковью и миром воспринимается иногда как вопрос размежевания границ, при котором каждый будет чувствовать себя в безопасности в пределах своих рубежей, даже если на границах и происходят иногда столкновения. С позиций церкви подобное размежевание никак не может наложить ограничения на ее задачи. Если исходить из самого существа церкви, то можно говорить лишь об одном: исповедание должно звучать и в сфере мира. При этом на языке совершенно рассудительном, полностью лишенном назидательности, на том языке, на котором говорят «снаружи». Это не должен быть лишь язык Ханаана. Речь идет о переводе, например переводе на газетный язык. Требуется сказать в мире, сказать доступным языком то же, что мы выражаем в формах церковного языка. Христианин не должен бояться того, что ему приходится говорить «неназидательно». Кто не в состоянии делать это, тот пусть подумает, а способен ли он в действительности и в церкви говорить назидательно. О, нам известен этот язык церковной кафедры и алтаря, который вне церкви звучит как китайский!

Остережемся того, чтобы замкнуться на самих себя и не пожелать занять мирские позиции. Один пример: в 1933 году в Германии было – слава Богу! – очень серьезное и глубокое и живое христианство и исповедание, однако, к сожалению, эта вера и исповедание немецкой церкви замкнулись на языке церкви и не смогли перевести то, что превосходным образом выражалось на языке церкви, на язык погребной тогда мирской позиции, отчетливо показавшей бы, что евангелическая церковь должна была сказать «нет» национал-социализму, причем сказать, исходя из самой своей сути. Исповедание христианства не прозвучало тогда в такой форме. Подумайте о том, что бы произошло, если бы евангелическая церковь воплотила свое церковное знание в определенную мирскую политическую позицию. Она оказалась не в состоянии сделать это, и результаты налицо. И второй пример. И сегодня есть серьезное живое христианство. Я уверен, что ход событий во многих пробудил страстную жажду Слова Божьего и что пробил великий час церкви. Да не случится вновь так, что снова воздвигнется и укрепится лишь пространство церкви, а христиане лишь соберутся вместе. Конечно, надлежит со всей серьезностью заниматься теологией. Однако мы должны понимать, причем лучше, чем 12 лет тому назад, что подлежащее свершению в церкви должно также найти выражение в мирских позициях. Евангелическая церковь, если бы она сегодня захотела сохранить молчание, скажем, по вопросу вины в связи с недавними событиями, церковь, которая не пожелала бы услышать этот вопрос, на который в действительности следует дать ответ ради будущего, такая церковь заранее обрекла бы себя на бесплодие. Погибнет та церковь, которая не осознает, что у нее есть долг перед народом в тяжелый момент его судьбы, причем долг, заключающийся не столько в христианском наставлении в его непосредственной форме, сколько в том, чтобы найти для этого христианского наставления слова, позволяющие справляться с актуальными проблемами дня. Всякий христианин должен ясно понимать: до тех пор, пока его вера представляет собой раковину, в которой ему удобно пребывать, не заботясь при этом о жизни своего народа, до тех пор, пока этот христианин живет в ситуации определенного дуализма, его вера еще не носит характера подлинности. Такую раковину нельзя считать желанным местопребыванием. Нехорошо быть в ней. Человек есть нечто целое и существовать может лишь как такое целое.

В заключение напомним, что последняя часть вводного положения гласит: «в соответствующих деяниях и способах поведения». Я намеренно выделил это в качестве третьего момента. Что было бы от того человеку, если бы он говорил и исповедовал самым могучим языком, но любви у него не было бы? Исповедание – это исповедание жизни. Тот, кто верит, тот призван платить своей личностью. Это стержень, вокруг которого все должно вертеться.

Лекция 5

Бог в вышних

Бог – это тот, кто, согласно Священному Писанию, в своем задуманном и свершенном в Иисусе Христе деянии здесь есть, живет, действует и сообщает нам о себе: Он – единственный.

Символ веры, который положен в основу данной лекции, начинается словами: верую в Бога. Мы произносим великое слово, развернутым представлением которого является христианский символ. Бог образует предмет веры, о котором мы вели речь в наших лекциях.

Бог составляет, если говорить емко, содержание возвещения в христианском сообществе. Однако нельзя забывать о том факте, что слово «бог», понятие бога, идея бога есть та реальность, которая так или иначе известна, присутствует во всякой истории религии и истории философии. И прежде чем двинуться дальше, следует остановиться и задаться вопросом: каким образом слово «Бог» в том смысле, в каком его употребляет христианская вера, относится к тому, что так называлось во все времена и в истории религии и в истории философии всех народов? Проясним, что же обычно называют «богом» за пределами сферы христианской веры.

Когда говорят о боге, о божественной природе, о божественной сущности или о боге вообще, то имеют в виду объект общераспространенного и явно выраженного устремления, «объект человеческой надежды и человеческой тоски по единству, основе, по смыслу человеческого бытия и смыслу мира». Имеют в виду также существование и природу существа, которое понимается как высшее, определяющее и господствующее над всем сущим существом, находящееся в тех или иных отношениях с отличными от него реальностями. А когда мы рассматриваем историю человеческого устремления, историю человеческих представлений об этом существе, то первоначальное и в то же время наиболее сильное впечатление связано со всесторонностью и поразительным разнообразием изобретательной способности человека, а также со способностью человека к произволу, к своевольному обращению с этим понятием, с этой идеей бога. Поэтому и возникает бесконечно разнообразная картина созданного человеком в этой сфере – картина в то же время чего-то очень зыбкого, полного вопиющих противоречий.

Должна быть полная ясность относительно того, что, когда речь идет о Боге в смысле христианской веры, Бога нельзя понимать как продолжение и обогащение тех понятий и идей, которые религиозная мысль обычно составляет себе о боге вообще. Бог в смысле христианской веры не располагается в ряду богов. Он не располагается в пантеоне, составляемом человеческим благочестием и религиозной изобретательной способностью. Дело обстоит не таким образом, что у человечества есть какая-то общая, присущая ему в силу его природы, склонность, какое-то общее понятие божественного, которое включало бы в себя и то, что мы, христиане, называем Богом и в какого Бога веруем и какого исповедуем, так что христианская вера была бы какой-то верой в ряду других, была бы случаем определенного общего правила. Один из отцов христианской церкви как-то сказал: “Deus non est in genere”, Бог не есть особый случай в рамках какого-либо вида.

Когда мы, христиане, говорим о «Боге», то можем и должны отчетливо сознавать, что это слово изначально означает «принципиально иное», означает принципиальное освобождение от всего этого мира человеческих поисков, предположений, придумок, поэтических творений и спекуляций. Дело обстоит не таким образом, что на долгом пути поисков и томлений по божественному достигнуто определенное пристанище в виде христианского исповедания веры. Бог христианского исповедания, в отличие от всех богов, не найденный или изобретенный бог, не бог, наконец-то открытый человеком, это Бог, который не является реализацией, пусть даже последней, высшей и лучшей реализацией того, что издавна искал и стремился

обрести человек. Мы, христиане, говорим о Боге, который полностью и окончательно занимает место, вытесняет и исключает то, что обычно называют «богом», и который лишь один вправе быть истиной. Там, где этого не понимают, там еще не постигли, что же означает исповедание христианской церкви: верую в Бога. А означает оно встречу человека с такой действительностью, которую он сам по себе нигде и никогда не искал и тем более не находил. Бог в смысле христианского исповедания есть и существует совершенно иначе, чем то, что называют божественным в других случаях. И его природа, его сущность есть нечто иное, чем природа и сущность всех якобы богов. То, что нужно сказать о Боге в смысле христианского исповедания веры, мы концентрируем в словах: «Бог в вышних». Вы все знаете, откуда я взял это понятие. Оно взято из Евангелия от Луки (2: 14): «Слава в вышних Богу». Это «в вышних» (*in excelsis*) я и попытаюсь сейчас растолковать.

В свете сказанного это «в вышних» означает совершенно ясно: Он – тот, кто над нами, в том числе и над нашими высшими и глубочайшими чувствами, стремлениями, интуициями, над произведениями человеческого духа, даже самыми возвышенными. Бог в вышних никоим образом не является простым соответствием какой-то человеческой склонности и возможности, Он во всех отношениях сам себе служит основанием и есть действительность. Он всегда открывает себя себе и другим лишь сам, а не вследствие наших поисков и обнаружений, наших чувств и мыслей. Именно этот Бог в вышних повернулся к человеку, одарил собой человека, сообщил ему о себе. Бог в вышних – это не кто-то совершенно иной, не имеющий с нами ничего общего и не имеющий к нам никакого отношения, всегда чуждый нам. Бог в вышних склоняется к нам. Он пришел к нам, стал нашим. Бог в вышних – это Бог, который являет себя как действительный Бог и тем самым как Бог, который никак не подвластен нам, но тем не менее взял на себя попечение о нас. Этот Бог единственный, кто заслуживает называться Богом, в отличие от всех иных богов. Он вообще отличен от всего прочего и тем не менее вступил в союз с нами. Скажем словами христианского символа: верую в Бога или верю в Бога – и мы имеем дело с этим Богом.

Попытаемся конкретнее описать то, что я представил в общем виде. Я говорю, что Бог – это тот, кто, согласно Священному Писанию, есть здесь, здесь живет, действует и дает знать о себе. Такое определение представляет Его как нечто совершенно отвлеченное, так, словно речь идет о каком-то бесконечном высшем существе. В этом случае я бы предался спекулятивным размышлениям. Я не приглашаю вас заняться спекуляциями, я говорю вам, что это принципиально ошибочный путь, который никогда не приведет к Богу, он может вести лишь к определенной действительности, ошибочным образом называемой так.

Бог – это тот, кто присутствует в Ветхом и в Новом Заветах, где говорится о Нем. И христианское определение Бога состоит просто в констатации: здесь говорится о Нем, давайте будем слушать, что же говорится здесь о Нем. Тот, кого здесь можно видеть и слышать, – это Бог. Обратите внимание, что во всей Библии, в Ветхом и в Новом Заветах никогда не предпринимается даже малейшая попытка доказать бытие Бога. Такая попытка всегда предпринималась лишь вне рамок библейского созерцания Бога, причем всегда там, где забывали, о ком идет речь, когда говорят о Боге.

Это были попытки доказать существование наряду с несовершенными существами совершенного существа; или вывести из существования мира существование его последней и высшей причины – Бога; или доказать на основе наличного порядка существование устрояющей порядок силы; или предложить моральное доказательство бытия Бога, исходя из факта человеческой совести. Я не собираюсь вдаваться в рассмотрение этих «доказательств» бытия Бога. Не знаю, насколько быстро вы сможете уловить юмористичность и хрупкость этих доказательств. Они пригодны для обоснования существования мнимых богов, и если бы в мою задачу входило ознакомить вас с этими будто бы высшими существами, то я бы занялся знаменитыми пятью доказательствами бытия Бога. В Библии не рассуждают таким образом, в Библии просто

говорится о Боге как о том, чье бытие не нуждается ни в каких доказательных подкреплениях. Здесь говорится о таком Боге, который везде и всюду сам доказывает свое собственное существование: здесь семь сущий и поскольку Я есть и живу и действую, то излишне доказывать, что Я существую. Опираясь на такое доказательство его собственного существования, и говорят пророки и апостолы.

Иным образом в христианской церкви и нельзя говорить о Боге. Бог нисколько не нуждается в наших доказательствах. Тот, кто зовется Богом в Священном Писании, неисследуем, то есть Он не был открыт каким-либо человеком. Когда речь идет о Нем и когда о Нем говорится как о какой-то известной величине, которая нам более известна и для нас более реальна, чем любая другая действительность, и которая нам ближе, чем мы сами себе, То происходит это не потому, что когда-то жили люди, которым удалось исследовать такое существо, а потому, что Он, сокрытый для нас, открыл себя.

И далее в связи с этим скажем, что Бог не только недоказуем и неисследуем, но Бог еще и непостижим. В Библии не предпринимается никакой попытки определить Бога, то есть постичь Бога посредством наших понятий. Имя Бога в Библии произносится как имя живого, действующего, действительного и заявляющего о себе субъекта, а не так, как это делают философы, произносящие его имя как имя вневременного, превосходящего мир, чуждого высшего существа. Библия повествует о Боге, она рассказывает о его деяниях и о происходящей здесь, на земле, в сфере человечества истории этого высшего Бога. Библия являет значение и важность этой действительности и деяния, этой истории Бога и тем самым доказывает существование Бога, обозначает его сущность и его естество. Познание Бога в смысле Священного Писания и исповедания веры – это познание его наличного бытия, его жизни, его действия, его откровения в его деянии. И поэтому Библия не является философской книгой, это книга истории – книга о великих деяниях Бога, в которых Бог позволяет узнать о себе.

Священное Писание описывает его деяние, во-первых, как деяние творения. Бог полагает наряду с собой нечто иное, отличное от себя, – творение, не нуждаясь в нем, полагает в силу своего всемогущества, своей святой избыточной любви. Во-вторых, между Богом и одним его творений, между Богом и человеком заключается договор (завет). И вновь непостижимый факт: почему именно между Богом и человеком, о котором сообщается с самого начала, что он неблагодарно противостоит Богу, что он грешник? Невзирая на этот грех, величественно не придавая ему особого внимания, оставляя за собой право исправить его, свершает Бог свою самоотдачу. Он отдает себя в том, что становится Богом маленького прозябающего народа в Передней Азии, становится Богом Израиля. Он отдает себя в том, что сам становится членом этого народа, его детищем – и умирает. И в-третьих, речь идет – в целом это одно деяние – о деянии искупления, об обнаружении намерения свободной любви Бога по отношению к человеку и миру, об устранении всего того, что препятствует этому; речь идет об откровении и об открытии нового неба и новой земли.

Это целое представляет собой путь – путь под знаком имени Иисуса Христа, человека Иисуса Христа, в котором сам Бог появился и действовал на земле, который в то же время является целью истории народа Израиля, началом и исходным пунктом церкви и в то же время также откровением искупления, завершением целого. Все бытие и деяние Бога представлено в этой личности. Тот, кто говорит о Боге в смысле Священного Писания, тот всегда с необходимостью должен говорить об Иисусе Христе.

Это деяние творения, завета и искупления – действительность, в которой Бог присутствует, живет, действует, а также позволяет узнать о себе. От этого деяния нельзя абстрагироваться, если желаешь узнать о существе и существовании Бога. Здесь, в этом деянии Бог предстает как личность, которая реализует себя и потому есть субъект этого деяния. Это деяние свободной любви Бога. Можно отважиться описать действительность, представляющую данное деяние, описать естество и сущность Бога с помощью таких двух понятий, как свобода,

любовь. При этом, однако, следует остерегаться выпасть из конкретного в абстрактное, выпасть из истории в царство идей. Я бы не стал говорить о том, что Бог есть свобода или Бог есть любовь. Даже несмотря на то, что второе высказывание является библейским. Мы не знаем, что есть любовь, и мы не знаем, что есть свобода, но знаем, что Бог есть и Бог есть свобода. О том, что такое свобода и что такое любовь, нам надлежит узнать от Него. Если бы мы хотели наделить предикатом этот субъект, то могли бы сказать, что Он есть Бог свободной любви. В своем деянии творения, союза и искупления Он подтверждает себя как такой Бог.

При этом мы узнаем на опыте, что такое любовь – желание бытия другого ради него самого, так, чтобы не быть больше одному, но быть в полной мере вместе с другим. Это любовь, это свободная любовь Бога. Бог не одинок, не одинок и без мира. Он не нуждается в другом и тем не менее любит. Такую любовь нельзя понять вне связи с величию его свободы. Такова любовь Бога, что Он, Отец, любит Сына, который сам есть Бог. В его деянии обнаруживается эта тайна его сокровенной сути, где все есть свобода и все есть любовь.

И становится понятным заглавие лекции: Бог в вышних. Потому, что Бог таков, что это Бог-Отец, Сын и Святой Дух в своем деянии в Иисусе Христе, именно поэтому Он в вышних. Он, чья природа и сущность заключены в этом, чье существование проявляется в нисхождении в глубины, Он милосердный, отдающий себя своему творению, погружаясь в самую глубину существования своего творения, Он есть Бог в вышних. Не вопреки всему этому, не вследствие какого-то парадокса, а именно снисходя таким образом, Бог являет, что Он в вышних. Такова его возвышенная сущность, такова его свободная любовь.

Тот, кто захотел посмотреть на других вышних, тот не смог бы понять присущее Богу «совершенно иное», тот все еще шел бы путями язычников, ищущих Бога в какой-то бесконечности. Он же совершенно иной в сопоставлении с тем, как мы мыслим своих богов. Он тот, кто призывает Авраама и кто ведет несчастный народ через пустыню, тот, кого не смутила многовековая неверность и многовековое непослушание этого народа, кто допускает свое рождение в хлеву и кто умирает на Голгофе. Он прекрасен, Он божествен.

Понимаете ли вы, что означает монотеизм в христианской вере? Богу неведома эта глупая радость от единственности! Речь идет не о числе один, а об этом субъекте в его исключительной единичности и инакости по отношению ко всему иному, отличному от всех смехотворных божеств, выдумываемых человеком. Если узришь это, то будешь лишь смеяться, и во всей Библии звучит смех по поводу этих персонажей. Там, где хотя бы раз узрели истинного Бога, там боги повергаются в прах, там Он остается единственным.

Лекция 6

Бог-Отец

Единый Бог по природе и от вечности есть Отец, исток своего Сына и вместе с Ним исток Святого Духа. В силу такого способа своего бытия Он по милости Отец всех людей, которых Он во времени в своем Сыне и через свой Дух призывает быть своими детьми.

Единый Бог, Бог в вышних, Бог единственный есть Отец. Когда мы произносим это слово, говорим об Отце в первом положении исповедания веры, то должны сразу же перейти ко второму: Он есть Сын, и далее к третьему: Он есть Святой Дух. Он есть единый Бог, о котором говорят три положения символа. Это не три Бога, это не расщепленный и разорванный в себе Бог. Троиединство говорит не о трех богах, троеединство – так это всегда понимала христианская церковь, а другого понимания она не могла обнаружить и в Писании – говорит именно об едином, единственном Боге.

Речь идет не о теоретическом вопросе. Все поставлено в зависимость от того, чтобы не разрывалось содержание трех положений символа, чтобы в этих трех положениях говорилось о Боге-Творце и о Боге в его деянии в Иисусе Христе и о его воздействии в Святом Духе, а не о трех божественных департаментах со своим «директором» каждый. Речь ведется о едином деянии одного Бога, но при этом о живом деянии. Ведь Бог, в которого мы, христиане, верим, это не мертвый Бог и не одинокий Бог. Единственный, Он в себе, в своем божественном величии один в вышних и тем не менее не одинок. И его деяние, которое позволяет нам встретить и узнать Его, есть подвижное, живое деяние. Он в себе самом по своей природе и вечно, а для нас во времени: единый в трех способах бытия.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.